

УДК 159.922

Е. Л. Малиновский, кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии образования Института психологии
УО «Белорусский государственный педагогический университет имени
Максима Танка», Минск

ПАТРИМОНИАЛЬНАЯ ПРЕДОБРАЗОВАННОСТЬ ЛИЧНОСТИ

E. Malinovsky

PATRIMONIAL PRE-EDUCATION OF THE PERSONALITY

Аннотация. В статье представлен материал, раскрывающий ономотологическую схему извлечения личности из бессознательного языка посредством её «идентификации с отцом личного правремениа» (З. Фрейд) в условиях «культурно-психологической предобразованности» (Я. Л. Коломинский).

Ключевые слова: патримониум; матримониум; личность.

Annotation. The article presents material that reveals the onomatological scheme of extracting a personality from the unconscious language by means of its “identification with the father of personal prejudice” (Z. Freud) in conditions of “cultural and psychological pre-education” (Ya. L. Kolominsky).

Key words: patrimonium; matrimonium; personality.

Психологические закономерности становления личности в целом и развитие ее индивидуальных свойств, в частности, выявляются в ходе разрешения противоречий, возникающих между генетической потребностью, с одной стороны, и индивидуально-дифференцированными возможностями, с другой стороны, на пути здравого смысла (лат. *communiumsenses*) суверенности человеческих экспектаций: «Коммуникация это не речь, а ожидание Другого» [8]. На этом пути Имя служитприобретению субъектом «индивидуального или коллективного права на владение сущностью» (Ж. Деррида, 1998), приусловии разрешения противоречий психосексуального прогресса как нормы личностного выбора. Норма может означать *praescriptum* или «написано до» осознания субъектом личного ожидания патримониального Логоса. Норма мужественного становления может пониматься не столько как биологическая принадлежность к полу, сколько психогенетическая готовность к конфронтации по отношению к аномалиям социума или логическая рефлексия нехватки любви. В первом и втором случае культурно-психологическая перцепция, о которой так часто заявлял

Я. Л. Коломинский, может имплицитно сопровождать взаимодействие мира науки с возникновением у субъекта уровня эстетического соответствия персонификации как цели бытия. Например, опыт профессорской рефлексии, описываемый Яковом Львовичем в книге «Психология: поэзия и проза преподавания», не только этически сопровождает, но эстетически мотивирует выбор целостности, осуществляемый или игнорируемый учеником, по мере его личностного становления. Говоря о педагогической рефлексии, профессор часто приходил к рассмотрению отношений между «эстетическим предметом» и «культурно-психологической относительностью как корпусом научных понятий и представлений, опосредующих межличностный социум в его психологической предобразованности» [2; 43]. Отсюда термин «Культурно-психологическая предобразованность» вполне вписывается в триангулярную схему существования человека: эстетического, этического и религиозного, при личностном выборе, по С. Кьеркегору, последней стадии существования «Или-или» как «Ультиматума» смерти (С. Кьеркегор, 2014). Хотя К. Поппер и не разделял экзистенциализм, но снисходительно наделял позицию единства науки, религии и этики «физическим идеализмом» (К. Поппер, 1996). Исходя из агностической неподкупности Якова Львовича, идеалистическая интенция существования исполнена религиозной диспозицией, которую профессор подвергал правовой норме, содержащей не только дозволение, но и предписание для субъекта поведения, которому должны следовать участники научной общности, имеющих право, по К. Попперу, на демаркацию, фальсификацию, верификацию и фаллибилизм любых выдвинутых ими гипотез. Так, в 1983 году, на первом курсе обучения в аспирантуре, моему научному руководителю позвонили из соответствующих структур и обратили его внимание, на то странное обстоятельство, по которому «У Малиновского на письменном столе лежит Библия». Яков Львович отреагировал на сигнал ещё более «странно» для советского профессора, он встретил меня на кафедре и просто сказал: «Женя, положи Библию в стол». Так, культурно-психологическая генерализация личности квалифицирует предобразованное мужество научного руководителя в отцовской диспозиции, возникающей в связи с лояльностью к онтологической рефлексии богоподобия [6, Быт 1; 27]. Как мужественный образ, так и личностное подобие обладают предобразовательными возможностями

патримониального провозглашения Имени Отца [4]. Но социально-культурное сопровождение развития (лат. *progressio*) личности детерминирует ее второе, урбанистическое «Рождение женой, облеченной в солнце» [6, Откр 12; 5].

В классическом римском понимании *matrimonium iustum*, муж и жена всей личностью предаются друг другу, а их союз Модестин Геренний охарактеризовал как «общность всей жизни через единение божественного и человеческого права» (БСЭ, 1930). Правильный образ жизни *jusconubi* в период республики сочетается с *juris gentium* или правом народов. Это отношение свободных горожан, вне оформленного право на брак, не производило римской отцовской власти над детьми и женой, но было дозволенным с точки зрения конкубината (от лат. *concupere* — вместе лежать). Психологическая дифференциация законного брака *cum manu* отцовской властью и *sine manu*, т.е. «без руководства», при котором жена остается самостоятельным лицом, очевидна и в современной нуклеарной семье.

В христианскую эпоху *educationem* или воспитание юношества отличалось ритуалом включения прежнего патримониального требования *cum manu* в новозаветном содержании: «Так должны мужья любить своих жён, как свои тела: любящий свою жену любит самого себя. Каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа» [6, Эф 5]. Рождение ребёнка сопровождалось церковно-национальной версией *cum manu*, в топониме «кум», указывающим на «а также», т.е. на второго отца — крестного, который в ходе таинства крещения является восприемником, не только принимающим из рук (*manu*) священника вынутого из купели крестника, но и несущим ответственность за его экспектации. Пока евреи Рима были христианами, ожидание «Яд-ва Шем» (ивр. **יד ושם**), то есть «Рука и Имя», по пророчеству Исаии, заверяло отцов в том, что они не будут забыты в будущих поколениях сыновей [6, Ис 56; 5]. В Библии слово «отец» встречается 346 раз, но только в пророчестве Малахии проблема Отца с прописной литеры становится актуальной: «Сын чтит отца, и раб – господина своего; если Я – Отец, то где почтение ко Мне? и если Я – **יהוה** — «Быть, будет», то где благоговение предо Мною?» [6, Мал 1; 6]. Наконец, Евангелие исполняет сыновнее становление личностной интенцией: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен» [6, Мф 5; 48]. При этом гласное освещение «Имени Отца» [6, Мф 6:9] субъектом, ранее вытесненным, по причине

«Воображаемого» [6, Быт 3:5] в «Символически» желаемое, происходит из среды «Реального отца, работающего за еду» [4].

Материнское воспитание в Израиле вдохновенно называнием сына именем из патримониальной генеалогии, дополненной Иосифом, который «не знал Ее, доколе не родила Она Сына, и он нарек имя Ему Иисус» [6, Мф 1:25]. Данное обстоятельство эксклюзивно тем дифференциальным исследованием полового диморфизма, по которому мужчина проявляет ригидность в онтогенетической направленности личности, но пластичен к культурно-историческому филогенезу еврейской нации. Женщина – наоборот: филогенетически ригидна, зато пластична в онтогенезе [1; 171]: «И Тебе Самой оружие пройдет душу, да откроются помышления многих сердец» [6, Лк 2; 35]. Введенный Э.Гегелем термин «онтогенез» обозначил ход реализации генетической информации, полученной от родителей. Именно онтогенетическая пластичность создает условия для жизненного пути личности для «младенца мужского пола, которому надлежит пасти народы жезлом железным» [6, Откр 12:5].

Цель нашего исследования показать, что психология не исполнена некоторых правил, которые указывают на симптомы коллапса (от лат. *collapsus* «упавший») как процесса разрушения структуры личности, при которой человек испытывает нехватку любви в «нехорошем бытии» [6, Быт 2:18]. Эдипальная проблема перцепции «люблю и маму, и папу, и Барсика» представлена неопределенностью мотивов патримониум-матримониум, что может указывать на доминирование множественных взаимоотношений в семье с тенденцией переноса «Символического» на общественные отношения [7]. Так, в рекламе «Когда все мы вместе: отцовский проект» на станции Минского метрополитена «Борисовский тракт», отец семейства в окружении детей, старшему из которых лет 13-ть, стоя на стремянке, прибывает к стволу дерева скворечник. Что здесь от патримониума и матримониума «не так» — вопрос не для психолога. Ибо для психолога очевидно, что реклама должна, по задумке дизайнера, вызывать у семейных мужчин мотивацию аниматора, то есть того, кто воодушевляет участников мероприятия на деятельное участие в нем. Но бигборд рекламы своим образом «вдохновителя» и «умельца» братской помощи в «семейных отношениях» привлекает, в первую очередь, ревностный взгляд матерей. И этот «тот еще профиль» носит бессознательный гендерный подтекст, основанный на матримониальном ресентименте. Ибо бескорыстное, а значит реальное отцовство учитывало

бы, в данной ситуации и явное желание подростка самому взобраться на дерево, и поработать молотком, и латентный ресурс его психосексуального развития, и, наконец, «Символическое» значение дерева как генеалогического сочетания «древа познания добра и зла» с «Древом жизни» [6, Быт 2:9].

Таким образом, глубокая преобразованность приводит к патримониальной любви, обладающей онтогенезом личности, которая соединяет человеческое существо как изначальный конституциональный принцип с конечным Богом [3]. Патерналистская преобразованность предполагает, отнюдь, не деятельное сопровождение, а самостоятельное разрешение кризисной ситуации через структурный выход бессознательного в славословие Имени Отца, возникшего раз и навсегда вожделенной целью на личностного пути как «единственный мыслимый гарант моего Я» [5]. Наконец, личностная функция выбора побуждается не матримониальным желанием удовольствия от оценки или креативного результата деятельности, но вновь приобретённой, если не зарождённой отцом, жизнью, задающей стратегию поведения, при которой потребность и цель совпадают.

Литература:

1. Геодакян, В. А. Теория дифференциации полов в проблемах человека. Человек в системе наук / В. А. Геодакян. – М.: Наука, 1989. — 504 с.
2. Коломинский, Я. Л. Психология: поэзия и проза преподавания, опыт профессорской рефлексии / Я. Л. Коломинский. – Смоленск: Ноопресс, 2015. — 293 с.
3. Корет, Э. Основы метафизики. Учебное пособие / Э. Корет; пер. с нем. В. Терлецкого. — Киев: Тандем, 1998. — 248 с.
4. Лакан, Ж. Имена Отца / Ж. Лакан; пер. с фр. А. Черноглазова. — М.: Гнозис 2006. — 160 с.
5. Левинас, Э. Путь к Другому / Э. Левинас; пер. Е. Бахтиной. — СПб.: изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 240 с.
6. Священное Писание. Тексты. Библия. – Брюссель : Жизнь с Богом, 1989. – 2535 с.
7. Фрейд, З. О психоанализе. Пять лекций. Методика и техника психоанализа / З. Фрейд. – СПб. : Алетейя, 1998. – 224 с.
8. Хабермас, Ю. Вовлечение другого: Очерки политической теории / Ю. Хабермас; пер. с нем. Ю. С. Медведева / под ред. Д. А. Складнева. – М.: Наука, 2001. – 420 с.